

Замечание

Отдельные обороты модели в *A случаях* имеют не условную семантику, как ожидалось бы, а временную, но при этом тоже неопределенную (в частности, “кратную”, кванторную): *в некоторых случаях, в отдельных случаях, в каких-то случаях* = иногда; *в исключительных случаях* = очень редко.

Вообще, надо заметить, что обстоятельства времени занимают среди детерминантов особое место. Они имеют богатый арсенал лексических средств выражения (темпоральные слова и обороты вроде *летом, утром, вчера, к утру, целый день, каждый месяц*), хотя могут выражаться и пропозициональными структурами — придаточными предложениями. Временные детерминанты мы не рассматриваем, т. к. это слишком большая и разнообразная группа, которая требует специального исследования.

Оборот с обобщенной или неопределенной семантикой освобождает говорящего от необходимости эксплицитно конкретное пропозициональное содержание цели, причины, условия и т. д. Такой оборот является просто маркером обстоятельной позиции, обозначает само наличие какой-то цели, причины, условия. Интересно, что устойчи-

вые сочетания с детерминантной семантикой тоже в большинстве случаев формируются на базе местоимений или прилагательных с “выветренным”, десемантизированным, почти местоименным значением: *на всякий случай; во всяком случае; в противном случае; по уважительной причине*.

Итак, мы постарались показать, что поведение и роль прилагательных в составе обстоятельственных оборотов с “качественным” и детерминантным значением отличается. В целом эти обороты, которые обычно не попадают в фокус внимания исследователей, заслуживают самого тщательного и детального изучения, т. к. дают ценную информацию о закономерностях таких важных языковых процессов, как грамматикализация и фразеологизация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русская грамматика. Т. 1. — М., 1980.
2. Словарь наречий и служебных слов русского языка. — М., 2005.
3. Рогожникова Р. П. Словарь эквивалентов слова. — М., 1991.
4. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. — М.: Наука, 1974.

Материал поступил в редакцию 19.02.08

УДК 81'362

Т. И. Резникова, А. А. Бонч-Осмоловская, Е. В. Рахилина

Глаголы боли в свете Грамматики конструкций*

В статье в типологической перспективе рассматриваются конструкции с предикатами семантической зоны БОЛИ. Характерной особенностью данной области является ее лексемный состав: основную часть его образуют глаголы, заимствованные из других семантических полей. Дается краткий обзор областей-источников для болевых глаголов и анализируются морфологические и синтаксические механизмы заимствования исходных предикатов в зону БОЛИ. Исследование показывает, что семантический сдвиг включает не только изменение собственно лексического значения, но и перестройку парадигматики и синтактики заимствуемой единицы, которая происходит под влиянием конструкций с участием первичных предикатов БОЛИ.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей работе теория Грамматики конструкций (см. [1, 2]) применяется к типологическому материалу. Исследуются конструкции, использующиеся для обозначения болевых ощущений в языках мира. Материалом служат данные свыше 20 языков — русского, украинского, болгарского, сербского, польского, чешского, литовского, английского, немецкого, французского, испанского, хинди, арабского, японского, китайского, агульского, грузинского, балкарского, эрзянского, эстонского и венгерского.

Особенностью исследуемого семантического поля является то, что в нем имеется мало специальных глаголов — обычно в языке насчитывается от одного до четырех предикатов **собственно БОЛИ** (как рус. *болеть*, англ. *ache, hurt*). При этом общий объем поля, как правило, достаточно велик: число предикатов может достигать полусотни единиц. Основное наполнение данной зоны происходит за счет заимствований **из других семантических полей**, которые происходят вследствие метафоризации¹, ср. русск. *в животе режет*. Повидимому, подобная структура поля представляет собой лексическую универсалию.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 06-04-91403а/Ук, а также при частичной поддержке гранта РФФИ № 05-06-80396-а.

¹ Семантический сдвиг, приводящий к появлению болевого значения, мы условно называем метафорой, хотя здесь имеет место переход более сложной природы. С одной стороны, действительно происходит сдвиг метафорического типа, заключающийся в мене таксономического класса участника-субъекта (ср. [3, с. 158]): например, при глаголе *резать* субъект-лицо (*Вся режет хлеб*) заменяется субъектом со значением безличной действующей силы (*В животе режет*), который в русском языке на поверхностном уровне получает нулевое выражение. С другой стороны, в болевой конструкции предметом метафорического сравнения становится не сам процесс, описываемый глаголом *резать*, а возникающее вследствие этого ощущение; иными словами, наряду с метафорическим перепосом имеет место метонимический сдвиг по распространенной модели ПРОЦЕСС ⇒ РЕЗУЛЬТАТ (ср. в этой связи [3 7] и др.).

Настоящая статья посвящена описанию некоторых ключевых механизмов заимствования из различных семантических полей в зону БОЛИ. В разделе 1 будет дан краткий обзор типологически частотных полей-источников для производных глаголов БОЛИ. Далее анализ морфологических (раздел 2) и синтаксических (раздел 3) особенностей болевых конструкций строится по следующей модели: сначала рассматриваются исходные лексические единицы со значением БОЛИ и их грамматические свойства, проявляющиеся в неметафорических употреблениях; затем эти характеристики сопоставляются с характеристиками конструкций, полученных в результате сложного процесса перестройки семантических свойств лексемы.

1. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛЕЙ-ИСТОЧНИКОВ

Семантические зоны, выступающие в качестве источников для лексики БОЛИ, обнаруживают значительное сходство в исследованных языках. По нашим данным, имеется ограниченный набор таксономических классов, из которых могут заимствоваться глаголы БОЛИ. Основные зоны-источники можно подразделить на пять групп.

Группу 1 образуют глаголы, связанные с идеей **горения**. В русском языке данная область представлена предикатами *гореть*, *жечь* и *печь*, ср. *ноги горят*; *глаза жжет*; *голову печет* (в случае глагола *печь* можно говорить о периферии болевой лексики: данная лексема хоть и описывает неприятное физиологическое ощущение, однако ассоциируется с единственной ситуацией-стимулом — воздействием солнца). По нашим данным, среди глаголов рассматриваемого таксономического класса типологически наиболее частотно в болевую область переходит глагол общей семантики 'гореть', т. е. предикат, описывающий прототипическую ситуацию горения огня или дров в огне (этот предикат используется для выражения неприятных физиологических ощущений по крайней мере в 17 из 21 исследованного языка). Напротив, к "экзотическим" источникам в классе горения относятся глаголы с более узкой семантикой, например, 'тлеть' (ср. эстонск. *hõõgima*), 'накаляться' (ср. грузинск. *gazureba*) и др.

Группа 2 объединяет глаголы, соотносимые с идеей **разрушения** или **деформации** объекта. Данную группу можно подразделить на следующие таксономические классы:

- воздействие инструментом: напр., русск. *резать*, *колоть*, ср. *в животе режет*; *сердце колот*; франц. *piquer* 'колоть', ср. *j'ai les yeux qui piquent*, букв. 'у меня глаза, которые колот'; хинди *kaṭnaa* '(раз)резаться, быть разрезанным', ср. *mUḥ kaṭ rāhaa hai*, букв. 'рот режется';
- воздействие квазиинструментом (таким, как зубы, когти и под.): напр., немецк. *kratzen* 'царапать', ср. *es kratzt im Hals*, букв. 'в горле царапает'; литовск. *graužti* 'грызть', ср. *graužia akis*, букв. 'грызет глаза';
- воздействие руками, в т. ч.
 - разрушение структуры: напр., грузинск. *motexa* 'ломать', ср. *saxsrebši mtexavz*, букв. 'в суставах у меня ломает'; эрзянск. *s'iz'ims* 'разрывать', ср. *kar'az aj s'iz't'e*, букв. 'спина разрывает';

- мягкая деформация; напр., русск. *мянуть*, ср. *живот мянет*; сербск. *pritiskati* 'прижимать', ср. *pritiska me u grudima*, букв. 'прижимает меня в груди' (о возникновении экспериментального значения ощущения у глаголов физического воздействия типа русского *жать* см. [5, с. 267-274]);

- саморазрушение: напр., русск. *раскалываться*, ср. *голова раскалывается*; агульск. *čurqas* 'лопаться', ср. *jun čurq.aa* 'живот лопается'.

Группу 3 составляют глаголы **звуча**. В русском языке к этому классу восходит болевой глагол широкой сочетаемости *ныть*, ср. *сердце ноет*. Другими представителями этого класса являются, например, глаголы *гудеть* (*ноги гудят*); *звенеть* (*в ушах звенит*). В типологическом перспективе спектр звуковых предикатов, которые могут в определенных конструкциях описывать неприятное физиологическое ощущение, довольно широк, ср., например, предикаты со значениями 'пищать' (ср. болгарск. *ушите пицят*, букв. 'уши пищат'); 'свистеть' (ср. венгерск. *sípol a fület*, букв. 'ухо свистит'); 'жужжать' (ср. сербск. *zujū u glavi*, букв. 'жужжит в голове', французск. *j'ai des bourdonnements dans les oreilles* 'у меня жужжание в ушах'); 'рычать' (ср. немецк. *mein Magen knurrt*, букв. 'мой живот рычит'), 'играть на музыкальном инструменте' (ср. сербск. *mi svira u glavu*, букв. 'мне играет на музыкальном инструменте в голове').

В группу 4 включаются глаголы **движения** и **каузации движения**. Из данного таксономического класса в зону БОЛИ попадают в основном предикаты со значением кругового движения, ср. русск. *крутить* (*живот крутит*), *кружиться* (*голова кружится*); англ. *churn* 'взбивать масло' (*my stomach is churning*, букв. 'мой живот взбивается'). За пределами вращательного движения в болевой области встречаются, как правило, предикаты, также в своем основном значении связанные с идеей неоднократного прохождения одной точки, т. е. предполагающие моторно-кратное движение, ср. 'раскачиваться' (японск. *фуцука-чи до атама га гурагура сурү* букв. 'голова раскачивается с похмелья'), 'прыгать' (хинди *peṭ khaud rāhaa hai* букв. 'живот прыгает').

По сравнению с единицами вышеописанных классов глаголы **группы 5** типологически реже становятся источниками болевых предикатов. Речь идет о предикатах, обозначающих **человеческое поведение** или **состояние**. Из частей тела антропоморфными признаками могут наделяться, по всей вероятности, только голова, сердце и живот, ср. англ. *my stomach is unhappy*, букв. 'мой живот несчастен', агульск. *ze k'il dallu xanaa* букв. 'моя голова стала сумасшедшей' (т. е. очень сильно болит).

Таковы основные поля-источники для болевых глаголов. Еще раз подчеркнем, что данные зоны характеризуются разной степенью универсальности: так, тот или иной глагол горения может получить болевую интерпретацию практически во всех рассмотренных языках, тогда как предикаты человеческого поведения среди болевых глаголов в нашей выборке достаточно редки. Далее, в пределах одного таксономического класса глаголы различаются по типологической частотности перехода в болевую

зону: так, среди глаголов горения наиболее распространенным предикатом БОЛИ является 'гореть' (см. выше), среди глаголов воздействия инструментом — 'колоть' и т. д. Наконец, тот или иной таксономический класс может быть разработан с разной степенью подробности в различных языках. Существенно, что этот параметр может разводить даже близкородственные языки: так, класс глаголов звука, представленный не менее чем 14 болевыми предикатами в немецком, в английском насчитывает, по нашим данным, всего лишь четыре глагола. Данный факт в очередной раз подтверждает значимость типологических исследований лексических систем родственных языков (ср. [8]).

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению, кратко остановимся на еще одном классе глаголов, занимающем обособленное положение в зоне предикатов неприятных физиологических ощущений. Эти глаголы выражают не собственно болезненное состояние какой-либо части тела, а, скорее, нарушение ее нормального функционирования, ср. *нос заложен, рука онемела*. Глаголы, описывающие **потерю функциональности** такого рода, характеризуются особым набором метафорических источников. Любопытно, что эти классы источников в некотором роде зеркально повторяют описанные выше области-источники для болевых глаголов, ср., например, "звук" для боли vs. "утрата способности издавать или воспринимать звуки" для потери функциональности (русс. *немать*, немц. *taub werden* 'глохнуть'); "движение" для боли vs. "вынужденный покой" для потери функциональности (англ. *lock* 'запирать', испанск. *dormirse* 'уснуть'), "разрушение" для боли vs. "укрепление" для потери функциональности (испанск. *envararse* букв. 'стать как палка', ср. также русск. *остолбенеть*).

Важно отметить, что предикаты всех рассмотренных таксономических классов могут использоваться для обозначения боли или потери функциональности только в составе особых конструкций, специфичных для каждого языка. Тем самым поведение изучаемых лексем согласуется с теоретическим положением Грамматики конструкций о связи каждого из значений многозначного слова с определенным типом контекста. В случае болевых конструкций основными параметрами, задающими контекст, являются морфологические и синтаксические особенности употребления предикатов. Об этих особенностях и механизмах "перевода" исходно неболевых глаголов в болевую зону речь пойдет в последующих разделах статьи.

2. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИСХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ И МЕХАНИЗМЫ ИХ ПЕРЕСТРОЙКИ

Семантическая специфика болевой зоны определяет грамматические особенности обслуживающих ее предикатов. Специальные глаголы БОЛИ являются типичными представителями класса стативных предикатов и тем самым характеризуются определенным набором морфологических свойств (зачастую — ограничений на образование некоторых грамматических форм, возможных у глаголов других классов). Так, русский предикат *болит* (ср. *у меня голова болит*) относится к глаголам

несовершенного вида, как непредельный не имеет так называемой "чистой видовой пары", его перфективными коррелятами являются инхоативный дериват *заболеть* (ср. *у меня голова заболела*) и лимитативный — *поболеть* (ср. *голова поболела и прошла*).

В противоположность специальным глаголам производные предикаты БОЛИ, рассмотренные в Разделе 1, представляют по большей части класс процессов (ср. 'звук', 'моторно-кратное движение'), в т. ч. даже предельных процессов (ср. 'разрушение инструментом или руками'), а также класс событий (ср. 'саморазрушение'). Соответственно, для их заимствования в болевую зону несоблюдимы или (1) иной, нежели в прототипическом случае, взгляд на протекание самой ситуации БОЛИ, или (2) переход рассматриваемых предикатов в другой аспектуальный класс. Случай (1) — мена типа ситуации — подразумевает, что БОЛЬ представляется не как однородное состояние, а как (1a) мгновенное событие или (1b) множественный процесс. Случай (2) мена аспектуального класса предиката — предполагает "стативизацию" исходно нестативных глаголов. Обе альтернативы требуют особого морфологического маркирования заимствуемых лексем.

Исследованные языки реализуют обе возможности "встраивания" вторичных глаголов в болевую область. В частности, мена типа ситуации (1a) оказывается удобным способом описания одномоментной боли, для выражения которой общий стативный глагол (ср. русский *болеть*), как правило, не приспособлен (в силу того, что семантика однородного состояния плохо совместима с идеей мгновенности: дуктивный показатель, присоединяясь к стативным глаголам, обычно выделяет в ситуации начальную точку, а не превращает всю ситуацию в мгновенное событие, ср. [9, с. 301]). Не случайно одномоментная боль преимущественно выражается в языках как раз вторичными предикатами. При этом их морфологическое маркирование подчинено общей идее вычленения кванта ситуации: такой квант может обозначаться или глагольной формой с семельфактивной семантикой (ср., напр., русск. *кольнуло, стрельнуло*), или отглагольным именем S₂ в форме единственного числа (ср. англ. существительное *sting* конверсия от глагола *sting* 'жалить', как в конструкции *to feel a sting in one's leg* букв. 'почувствовать укус в ногу').

Другая мена типа болевой ситуации (1b), подразумевающая представление ее как множественного процесса, позволяет описать БОЛЬ как последовательность неприятных ощущений, повторяющихся через некоторые промежутки времени (в противоположность однородному состоянию 'болеть'). Морфологически такая боль выражается формами с итеративной семантикой (ср. русск. *покалывает*) или отглагольным именем S₂ в форме множественного числа (ср. немц. существительное *Stich* производное от глагола *stechen* 'колоть', как в конструкции: *Stiche in der Lunge fühlen* буквально 'чувствовать уколы в легких').

Вторая возможность "встраивания" глаголов, заимствованных из других семантических областей, в болевую зону, связана с их "стативизацией". В некотором смысле, этот путь перестройки является ключевым, поскольку БОЛЬ в прототипическом случае являет собой непрерывное длительное

ощущение и, соответственно, чаще концептуализуется именно как состояние. Исследованный материал позволяет выявить по крайней мере четыре механизма, переводящих исходные динамические глаголы в стативные предикаты: два из них создают глагольные конструкции и два — именные.

Остановимся сначала на глагольных способах представления ситуации БОЛИ посредством вторичных предикатов. Первую стратегию в этой области можно назвать дуративной. Маркирование глагола с процессуальным значением показателем дуративной семантики становится естественным способом его концептуального сближения со стативом: действительно, граммема дуратива в некотором смысле “объединяет” состояния и процессы, выражая идею длительности и у тех, и у других (ср. [9, с. 300]) и тем самым как бы нивелируя различия во внутренней структуре ситуаций двух разных типов. Дуративная стратегия является основной, например, в русском языке: в болевых конструкциях встречаются преимущественно глаголы несовершенного вида, ср. *в боку колет/кололо, живот тянет/тянуло, голова трещит/трещала, ноги гудят/гудели, ухо горит/горело, живот крутит/крутило* и т. п. Сходным образом БОЛЬ интерпретируется и в литовском, ср. *gelia žvaigžius* букв. ‘жалит суставы’, *oda dega* букв. ‘кожа горит’.

При второй стратегии состояние БОЛИ концептуализируется не как актуально длящийся процесс, а как результат предшествующего процесса. Морфологически такое осмысление ситуации маркируется формой с результативной или перфектной семантикой. Данная стратегия характерна, например, для агульского языка, ср. *jakar ar⁴. inaa*, букв. ‘мышцы разбиты’, *k'arabar iq.inaa* ‘кости истолчены’. Аналогичные тенденции наблюдаются во французском, ср. *j'ai le dos rompu*, букв. ‘у меня спина сломана’, *j'ai le ventre serré* букв. ‘у меня живот сжат’.

Выше мы говорили о выбираемой языком стратегии как общей характеристике его болевых конструкций. Между тем склонность языка к дуративному или результативному способу маркирования не носит универсального характера, иными словами, в языках выделяются зоны “исключительно” морфологического оформления, отклоняющегося от основной тенденции. В распределении этих зон важную роль играет семантика исходных глаголов и свойства ситуации в целом. Так, вполне естественно, что предельные глаголы более склонны к оформлению результативными показателями, чем непредельные (последние просто не соотносятся с идеей естественного результата). Соответственно, глаголы с исходным значением звука или моторно-кратного движения, являющиеся типичными представителями класса непредельных процессов, ни в одном рассмотренном языке не маркируются результативом, ср., например, следующие дуративные формы в “результативно-ориентированном” агульском: *ze k'il aldarkaa* буквально ‘моя голова кружится’, *fun raXaa* буквально ‘живот разговаривает’.

Далее, из предельных предикатов результативным показателем чаще маркируются глаголы, обозначающие активное воздействие субъекта на объект (т. е. глаголы разрушения инструментом или

руками), чем глаголы саморазрушения. Если активное воздействие соотносится с идеей постепенного процесса, нацеленного на достижение результата, то глаголы саморазрушения, заимствуемые в болевую зону, как правило, обозначают мгновенное событие, ср. ‘лопнуть’, ‘расколоться’, ‘взорваться’ и под. Для их перевода в длительное состояние в исследованных языках часто используется механизм проспективной интерпретации: БОЛЬ в этом случае описывается как возможное в ближайшем будущем (‘вот-вот’) саморазрушение испытывающей ее части тела. На морфологическом уровне это выражается специальными показателями проспектива, если таковые в языке имеются, ср. франц. *ma tête va éclater* ‘голова собирается лопнуть’, или другими средствами, характерными для передачи данного значения в языке, например, в русском для этой цели используются формы настоящего времени от глаголов несовершенного вида: *голова раскалывается*.

Наконец, наиболее склонна к результативности зона потери функциональности. Здесь сама структура ситуации определяет особенности морфологического маркирования. Действительно, подобная ситуация обычно предполагает, что в некоторый момент времени произошло определенное событие, начиная с которого наступило новое состояние, а именно, невозможность функционирования затронутой части тела. Такая структура ситуации, в свою очередь, в точности повторяет семантику результатива. Неудивительно поэтому, что в зоне потери функциональности глаголы получают результативно-перфектное маркирование даже в таких “дуративно-ориентированных” языках, как русский, ср. *нос заложен, рука затеяла* и под.

В целом же тенденции маркирования тех или иных зон позволяют распределить все семантические области на общей дуративно-результативной шкале. Как мы видели, в одном (дуративном) ее конце будут располагаться предикаты с исходным значением звука и движения, в другом (результативном) — зона потери функциональности. Размещение остальных областей определяется относительной частотой выбора той или иной стратегии в морфологическом оформлении относящихся к ней предикатов. Заметим, что результативная стратегия на этой шкале предстает как более “сильная”. Из семантических классов глаголов-источников она применяется чаще к наиболее динамическим зонам (ср. глаголы активного воздействия), т. е. зонам, далее всего отстоящим от стативной области. Соответственно, их “стативизация” требует более действенного механизма подавления динамического начала, в роли которого и выступает результатив.

Таким образом, можно уточнить введенное выше разграничение “дуративно-” и “результативно-ориентированных” языков: это противопоставление носит градуальный характер. Языки различаются тем, в каком месте дуративно-результативной шкалы они проводят границу между дуративными и результативными конструкциями. Иначе говоря, “дуративно-ориентированные” языки могут сопоставляться на основании того, как далеко в “результативную” зону заходят дуративные конструкции, и наоборот, болевая “результативность” языка может оцениваться по степени захвата “дуративной” зоны. Так, русский оказывается более

“дуративно-ориентированным” языком, чем немецкий: в русском вне сферы дуративного маркирования остается только зона потери функциональности (и даже внутри нее обнаруживаются отдельные конструкции с глаголами несовершенного вида, ср. *рука немееет*), а в немецком граница дуративности темного сдвигается к результиativному полюсу — глаголы инструментального воздействия (‘резать’, ‘сверлить’, ‘стрелять’) не употребляются в дуративных формах. Однако в случае немецкого картина усложняется именными конструкциями, о которых речь пойдет чуть ниже: именно они используются при инструментальных предикатах.

Подводя итоги обзора глагольных конструкций БОЛИ, заметим, что в своем обсуждении мы опирались на следующую гипотезу: при переходе из исходной семантической области в болевую зону глаголы “фиксируются” в определенной морфологической форме — будь то формы с семельфактивной, итеративной, дуративной, проспективной или результиativной семантикой. Действительно, исходные глагольные лексемы нередко утрачивают часть своей изначальной аспектуально-темпоральной парадигмы. Так, русские предикаты со значением инструментального воздействия или саморазрушения в болевом значении не сохраняют связь со своими “видовыми парами”, ср. *режет* (по **разрежет*), *колет* (по **уколет*), *раскалывается* (по **расколется*). Но, что интересно, верно и обратное: “встраиваясь” в болевую конструкцию, вторичные глаголы могут приобретать новые парадигматические свойства. Моделью для этой перестройки является глагол ‘болеть’. В этой связи показателен пример русского *колоть*. Видовыми коррелятами данного глагола в болевой конструкции выступают инфинитивный дериват с приставкой *за-* (ср. *в бок закололо*) и лимитативный на *по-* (*немного покололо и прошло*). Конечно, глагол *колоть* в значении активного воздействия также может иметь производную лексему с префиксом *за-* (ср. *заколол шпагой*), однако очевидно, что эта лексема характеризуется совершенно другой семантикой. Тем самым, получая болевое значение, глагол *колоть* начинает участвовать в новых словообразовательных моделях, а именно в моделях, свойственных предикату *болеть*.

Перейдем теперь к именным конструкциям как способу “стативизации” исходных динамических предикатов. Здесь выделяются два механизма: образование отглагольных прилагательных (причастий) и использование отглагольных имен (S₀).

Конструкции с отглагольными прилагательными (причастиями), которые выступают как определение к существительному со значением ‘боль’, характерны для многих языков, представленных в нашей выборке, ср. русск. *поющая /режущая/ колющая (боль)*; англ. *burning* ‘горящая’/ *crushing* ‘дробящая’/ *gnawing* ‘грызущая’ (*pain*); венгерск. *szúró* ‘колоющая’, *égető* ‘сжигающая’, *húzó* ‘тянущая’ (*fájdalom*) и под. Зачастую эти конструкции функционируют в языке наряду с соответствующими глагольными, ср. *колоющая боль в боку* и *в бок колет*, и при этом ощущаются как присутствие в большей степени медицинскому дискурсу. Однако в языках, где засвидетельствовано оба типа конструкций, нередки случаи несовпадения наборов глагольных лексем, способных выступать в глагольных и в причастных болевых выражениях.

Иными словами, имеются глаголы, которые могут участвовать в глагольных, но не в причастных конструкциях, и наоборот, те, которые встречаются в причастных, но не в глагольных описаниях боли.

Первый тип несовпадения можно наблюдать, например, в русском, ср. *ноги гудят*, но ?*гудящая боль*; *глаза щипит*, но ?*щиплющая боль*; *голова раскалывается*, но ?*раскалывающаяся боль*. По всей видимости, в подобных случаях “причастная” зона, т. е. зона пересечения глагольных и причастных конструкций, выделяет ядро болевой области — боль, обусловленную скорее не внешними случайными причинами, а внутренними системными нарушениями организма.

Пример второго типа несовпадения уже упоминался выше в связи с дуративно-результативной шкалой в немецком. Глаголы инструментального воздействия, как обсуждалось, не встречаются в дуративных формах. Единственным способом “стативизации” предикатов этого класса являются как раз причастные конструкции, ср. *ich habe schneidende Schmerzen im Bauch*, букв. ‘у меня режущие боли в животе’. Напомним, что инструментальные глаголы располагаются близко к результиativному краю шкалы и представляют ее самую “динамическую” зону. Тем самым причастная стратегия оказывается по своей сути близка результиativной: она выступает как более радикальное (по сравнению с дуративом) средство понижения динамичности предиката.

Второй тип именных болевых конструкций строится на номинализации исходного предиката. Номинализация является естественным механизмом “стативизации” глагола, тем самым неудивительно, что отглагольные имена S₀ широко используются в болевых конструкциях исследованных языков. В исторической перспективе частным проявлением этой тенденции становится закрепление за именными дериватами, производными от вторичных глаголов БОЛИ, медицинского терминологического значения, ср. сербск. *zujanje* букв. ‘жужжание’ (тinnitus), французск. *oppression* букв. ‘сжимание’ (чувство затрудненного дыхания), ср. тж. русск. устар. *ломота*.

Роль номинализации в системе болевых конструкций особенно существенна в тех языках, в которых составные именные предикаты (перифразистические глаголы) образуют значительную часть предикатной лексики. Такая ситуация имеет место, например, в хинди. В частности, базовая болевая конструкция здесь тоже строится с использованием существительного (в ее составе выступает одно из имеющихся в хинди имен со значением ‘боль’): *mere haath mE dard hai* букв. ‘в моей руке боль есть’. В аналогичной конструкции могут употребляться и заимствованные предикаты БОЛИ, ср. *pairO mE chubhan ho rahii hai* букв. ‘в ногах прокалывание есть’, где *chubhan* — существительное от глагола *chubhnaa* ‘вопзаться, прокалывать’. Вместе с тем в болевой зоне встречаются и глагольные конструкции. Показательно, что они могут включать глаголы с исходным значением звука, движения или саморазрушения, ср. *metaa sir ghuum rahaa hai* ‘у меня голова кружится’, *sir phaT rahaa hai* букв. ‘голова лопается’. Таким образом, и здесь срабатывает введенная выше семантическая шкала: номинализация в хинди противостоит конструкциям с грамматической семантикой дуратива

и тем самым выступает как аналог причастных и результативных конструкций, засвидетельствованных в динамической зоне шкалы в других языках.

Итак, мы рассмотрели основные механизмы морфологической перестройки исходных глаголов, вступающие в действие при сдвиге их лексического значения. Однако изменения грамматических свойств рассмотренных лексем этим не исчерпываются: затронутой оказывается и их синтактика.

3. МЕХАНИЗМЫ ПЕРЕСТРОЙКИ ИСХОДНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

В стандартной ситуации БОЛИ выделяется следующий набор семантических ролей: 1) часть тела, испытывающая боль, 2) лицо, испытывающее боль, и 3) причина возникновения боли (ср. фрейм Perception-body в модели FrameNet [10]²).

В исследованных языках указанные семантические роли при специальных глаголах БОЛИ могут получать следующую синтаксическую интерпретацию. 'Часть тела' может представляться как (а) место (боли) — кодируется косвенным дополнением (напр., предложной группой), ср. чешск. *Bohí ti v krku*, букв. 'болит мне в шее', (б) тема, т. е. единственный аргумент одноместного предиката (= то, что затронуто болью) — кодируется подлежащим или прямым дополнением, ср. русск. *У меня болит нога* (с) стимул (= инициатор болевой ситуации) — синтаксически оформляется подлежащим при двухместном глаголе, ср. болгарск. *Сърцето ме заболява* букв. 'сердце меня болит'. 'Лицо' может концептуализироваться как (а) экспериенцер — маркируется дативом, ср. немецк. *mir schmerzt der Kopf* букв. 'мне болит голова'; (б) посессор (части тела) — кодируется косвенным дополнением или поссивным местоимением, ср. *my leg hurts* букв. 'моя нога болит'; (с) пациент — синтаксически прямое дополнение, ср. выше пример из болгарского. 'Причина' может выступать как (а) каузатор (болевого ситуации) — кодируется подлежащим, ср. французск. *la lumière me fait mal aux yeux* букв. 'свет мне делает боль в глазах', или как (б) ее источник — синтаксически оформляется косвенным дополнением (например, предложной группой), ср. русск. *глаза болят от света*.

Таков спектр возможностей синтаксического кодирования для основных семантических ролей специальных болевых глаголов, встретившихся в нашем материале. В пределах одного языка тот или иной участник может допускать более одного варианта синтаксического оформления, т. е. в языке могут функционировать несколько конструкций БОЛИ. Наличие разных конструкций может быть обусловлено существованием более одного предиката БОЛИ (в частности, эти предикаты могут быть связаны словообразовательным отношением, ср. в русск. *болит* и *больно*). Однако разными конструкциями может характеризоваться и один и тот же глагол, иными словами, глагол может иметь несколько моделей управления.

Как в случае нескольких предикатов, так и тем более — при одном глаголе различным конструкциям соответствуют разные типы БОЛИ. Следующие классы ощущений наиболее часто разводятся конструкциями:

А. (1) Боль, возникающая как следствие непосредственного воздействия каузирующего ее стимула, vs. (2) Боль, не связанная с непосредственной каузацией. Боль типа (1) обычно представляется временной и быстро проходящей, тогда как боль (2) — продолжительной и неустранимой. Подобное семантическое различие характерно для русских конструкций с предикатами *больно* и *болеть*. При *больно* лицо, испытывающее боль, кодируется дативом (*мне больно*), часть тела обычно не участвует в конструкции, зато причина, напротив, часто получает поверхностное выражение — в предложной группе, инфинитивном обороте или подчиненной клаузе (*больно от прикосновения; больно прикасаться; больно, когда прикасаешься*). При предикате *болеть* лицо обозначается предложной группой (*у меня болит*), часть тела кодируется подлежащим, причина часто не получает поверхностного выражения. Ср. характерное соотношение двух предикатов в следующих примерах: *у меня болит горло; мне больно глотать*, *больно* называет ситуацию, вызывающую неприятное ощущение, тогда как *болит*, скорее, указывает на сам факт наличия ощущения. Аналогичное семантическое различие наблюдается в агульском между глаголом *íaa* 'болеть' и его каузативом *ífaq'as*.

В. Глаголы, обозначающие физическую боль, часто развивают метафорическое значение душевной боли. Эти два смысла также могут разводиться разными конструкциями, ср. немецкий глагол *schmerzen* — если при эмоциональном значении лицо, испытывающее боль, чаще выражается аккумулятивом, то при обозначении физической боли более характерен датив, ср. *Der Rücken schmerzt mir*, букв. 'спина болит мне', *Die Sehnsucht schmerzt mich*, букв. 'тоска меня болит'.

Итак, мы обсудили типологические возможности аргументного кодирования специальных предикатов БОЛИ. Каким образом в вышеописанную структуру ситуации встраиваются производные болевые глаголы, исходно характеризующиеся принципиально иным набором участников? Здесь важно учитывать семантику лексемы-источника и разделять исходно непереходные и исходно переходные глаголы.

Наиболее предсказуемый результат дают непереходные предикаты (например, глаголы звука). Их базовая модель управления включает одну синтаксическую роль, кодируемую подлежащим (X_S). На роль субъекта в производной конструкции выдвигается 'часть тела' (CT_S) или же эта позиция остается незаполненной (употребляется безличная конструкция) — в этом случае 'часть тела' выражается локативной группой 'Лицо, испытывающее боль', интерпретируется как экспериенцер (датив) или посессор (поссивное местоимение или предложная группа). 'Причина' обозначается косвенным дополнением или не выражается, ср. табл. 1.

²В модели FrameNet выделяется еще ряд дополнительных семантических ролей: MANNER ('тип боли'), DEGREE ('интенсивность') и спецификация роли 'часть тела' — SUBREGION (конкретный участок части тела, испытывающий боль), однако для аргументного кодирования эти роли нерелевантны.

НЕПЕРЕХОДНЫЙ ГЛАГОЛ-ИСТОЧНИК

V _{неперех.-физич.} (ср. 'звук')			X _S		
	(1)	ПРИЧИНА _{∅/OBL}	ЧТ _S	ЛИЦО _{DAT/POSS}	
V _{неперех.-болевой}	(2)	ПРИЧИНА _{∅/OBL}		ЛИЦО _{DAT/POSS}	ЧТ _{LOC}

Таблица 2

ПРОИЗВОДНЫЙ ГЛАГОЛ ПЕРЕХОДНЫЙ (ИСТОЧНИК ПЕРЕХОДНЫЙ)

V _{перех.-физич.} ср. <'резать'>			X _S	Y _O	
	(3)	ПРИЧИНА _{∅/OBL}	ЧТ _S	ЛИЦО _O	
V _{перех.-болевой}	(4)		ПРИЧИНА _S	ЧТ _O	ЛИЦО _{DAT/POSS}
	(5)	ПРИЧИНА _{∅/OBL}		ЧТ _O	ЛИЦО _{DAT/POSS}
	(6)	ПРИЧИНА _{∅/OBL}		ЛИЦО _O	ЧТ _{LOC}

Таблица 3

ПРОИЗВОДНЫЙ ГЛАГОЛ НЕПЕРЕХОДНЫЙ (ИСТОЧНИК ПЕРЕХОДНЫЙ)

V _{перех.-физич.} ср. <'резать'>			X _S	Y _O	
	(7)	ПРИЧИНА _{∅/OBL}			ЛИЦО _{DAT/POSS} ЧТ _{LOC}
V _{неперех.-болевой}	(8)	ПРИЧИНА _{∅/OBL}	ЧТ _S	ЛИЦО _{DAT/POSS}	

Приведем примеры представленных в табл. 1 конструкций: (1) русский *От усталости у меня кружится голова*; (2) сербский *ти риди и изма*, букв. 'мне свистит в ушах'.

Для исходно переходных глаголов типологически засвидетельствовано два типа производных конструкций, переходные и непереходные.

Если переходный глагол-источник (с базовыми аргументами X_S и Y_O) выступает в переходной болевой конструкции, то позицию прямого объекта занимает 'часть тела' или 'лицо, испытывающее боль' (последнее возможно, по-видимому, только в тех языках, где 'лицо' кодируется прямым дополнением при специальном предикате БОЛИ). На роль подлежащего выдвигается 'часть тела' (при объекте 'лицо') или 'причина'. Как и в случае непереходных глаголов-источников, возможны безличные конструкции, ср. табл. 2.

Приведем примеры: (3) болгарский *Гърбът ме бодне*, букв. 'спина моя колет'; (4) русский *Свет мне режет глаза*; (5) балкарский *Belim tartady*, букв. 'мою спину тянет'; (6) болгарский *Bode me в гърдите*, букв. 'колет меня в груди'.

Наиболее значимую синтаксическую трансформацию представляют случаи преобразования исходных переходных в болевые непереходные глаголы. Здесь производная конструкция может быть или безличной, тогда ни одна из синтаксических ролей, имеющих у глагола-источника в исходном значении, не получает выражения; или же и в этом случае имеет место кардинальная перестройка синтактики глагола 'часть тела' кодируется как главный участник при непереходном глаголе, ср. табл. 3.

Приведем примеры данных конструкций: (7) немецкий *Es beißt mi in den Augen*, букв. 'кусает мне в глазах'; (8) русский *Вчера вечером у меня очень бол колов*.

Представляется, что преобразование последнего типа является результатом синтаксического влияния собственно болевых глаголов на глагол-источник. Действительно, в конструкции (8) модель управления производного глагола *колов* в точности повторяет синтактику глагола *болеть*.

Гипотеза о встраивании производных глаголов в болевую конструкцию подтверждается их аргументным кодированием в тех языках, в которых функционирует несколько конструкций со специальными предикатами БОЛИ. В таких случаях тот или иной заимствуемый глагол может "выбирать" конструкцию, служащую для него моделью развития, или же участвовать в нескольких конструкциях одновременно. Примечательно, что при этом сохраняется то семантическое различие, которым характеризовались данные конструкции, когда в их составе употреблялись специальные предикаты БОЛИ. Этот факт, в свою очередь, служит подтверждением одного из основных постулатов Грамматики конструкций, согласно которому определенная семантика стоит не только за словами, образующими словосочетание, но и за самой конструкцией в целом.

Продемонстрируем данное явление на материале русского языка. Выше уже обсуждались конструкции с предикатами *болеть* и *больно*. Напомним, что на формальном уровне они различаются, в частности, способом оформления участника с ролью 'лицо, испытывающее боль' (ср. *мне больно* и *у меня болит*). Производные глаголы следуют одной из этих моделей кодирования данного аргумента. При этом распределение конструкций совпадает с различиями в семантике. При ощущениях, непосредственно каузированных некоторой причиной, 'лицо' оформляется дативом, ср. *мне щипит глаза* (обычно от дыма, шампуня, соленой воды и под.), *мне жжет язык* (обычно от острой еды). Напротив, конструкцией с предложной группой оформляется ощущение, обычно не

связанное с прямым воздействием внешних факторов, ср. *у меня сердце колот, у меня голова раскалывается*. Более того, две конструкции, различающиеся исходно двумя разными предикатами (*болеть* и *больно*), могут употребляться с одним и тем же вторичным глаголом, противопоставляя два типа ощущения — внутреннее и поверхностное, обусловленное внешним воздействием, ср. *у меня в животе режет* ('*мне в животе режет*) vs. *мне резинка режет* (''*у меня резинка режет*).

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДИКАТОВ БОЛИ

Итак, предикаты со значением БОЛИ являются ярким примером того, что переход из одной семантической области в другую не ограничивается простым сдвигом лексического значения, как это обычно представляется в исследованиях по исторической семантике. Трансформационные процессы могут происходить одновременно на разных уровнях языковой структуры, затрагивая морфологические и синтаксические свойства исходных глаголов. В этом смысле такая лексическая перестройка исходна с более подробно изученным ранее явлением грамматикализации (см., например, [11, 12]). В частности, в сфере переходов в зону грамматических значений также подчеркивается роль конструкции, в составе которой происходит развитие [12, с. 11], также имеет место стирание (bleaching) конкретных элементов исходного значения единичных источников, что приводит к возможности их употребления в новых контекстах. Кроме того, грамматикализацию и лексическую перестройку объединяет градуальность эволюционных процессов.

Применительно к глаголам БОЛИ градуальность наглядно проявляется в вариативности синтаксических конструкций, допустимых для того или иного вторичного предиката (например, в русском безличная *в боку колот* - и субъектная *бож колот*), а также в различии степени приемлемости соответствующих вариантов для разных глаголов. Так, 'часть тела' подлежащее при глаголе *колот* (*бож колот*) считают приемлемым больше число носителей, чем при глаголе *резать* ('*глаза режут*). Поскольку морфосинтаксической моделью для вторичных болевых предикатов служит специальный глагол со значением 'болеть', естественной оценкой стадии эволюции для той или иной лексемы является близость ее грамматических свойств к характеристикам самого 'болеть'. Соответственно, *колот* находится на более позднем этапе лексической перестройки, чем *резать*. Синтаксический критерий коррелирует с характеристиками морфологического уровня. Как обсуждалось в Разделе 2, от *колот* возможно образование инфинитивных и лимитативных дериватов по модели *болеть*, тогда как с *резать* такие производные не встречаются. Таким образом, и на морфологической шкале болевой *колот* находится дальше от исходного глагола физического действия, чем *резать*.

Как и в случае грамматикализации, при лексической перестройке свидетельством поздней стадии эволюции может выступать утрата связи с лексемой-источником. В нашем случае это будет означать развитие специального болевого глагола. Его

отличие от общих предикатов БОЛИ ('болеть') заключается в ограничениях на сочетаемость с существительными, обозначающими части тела. Примерами таких предикатов в русском могут служить *першить*, ср. *горло першит* (этимологически связан с существительным *перхоть*, однако связь на синхронном уровне носителями не ощущается), *щемить*, ср. *сердце щемит* (в физическом значении сохраняются только префиксальные глаголы, например, *прищемить*) и др.

По всей вероятности, утрата ограничений на сочетаемость может приводить к развитию общих предикатов БОЛИ. Полный цикл такой эволюции — от глагола, относящегося к одной из исходных семантических областей (см. раздел 1), до специального болевого предиката общей семантики занимает существенный исторический период, и его восстановление требует обращения к этимологическим данным. Однако возможность наблюдать различные этапы такого развития на современном языковом материале позволяет говорить о надежности построения всей цепочки. Ее можно проследить, например, на материале базового немецкого глагола *schmerzen*: этимологически он возводится к индоевропейскому корню **mer-d-* 'тереть, растирать', т. е. к глаголу физического воздействия. В диалектах конца XIX — начала XX вв. когнаты данного корня выступают только для обозначения определенных типов боли: в нижненемецких *smarten* выражает ощущение при натертости и ссадинах, в верхненемецких *schmerzen/schmirzen* соответствует поверхностным ощущениям на коже (от раны, порезов, ожогов и т. д.), см. [13]. В современном литературном языке *schmerzen* используется для обозначения любого типа боли и является наиболее общим болевым глаголом.

Итак, наблюдения над семантической зоной предикатов БОЛИ позволяют существенно уточнить теоретические представления о закономерностях диахронических процессов в области лексики и проследить в исторической перспективе неразрывную связь между значениями отдельных слов и образуемых ими конструкций.

* * *

Авторы выражают глубокую признательность информантам и специалистам по отдельным языкам, без которых написание настоящей статьи было бы невозможно: Ю. В. Адашкиной (эрзянский), К. Бёрёcki (венгерский), С. Геджиевой (балкарский), В. Жемайтене, Ю. Пакерису, Д. Шилейкайте (литовский), Р. Камю (французский), Е. В. Козловой, Л. В. Хохловой (хинди), М. С. Козловой (испанский), А. В. Костыркину, А. С. Паниной (японский), С. Купп и А. Ламмасу (эстонский), П. Ю. Новичкову (английский), Д. Марцо, В. Рубе, Б. Умбрайт (немецкий), С. Р. Мердановой (агульский), С. и Э. Саникидзе (грузинский), М. Серафимовой (болгарский), Е. И. Якушкиной (сербский).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connell K. T. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions the Case of LET ALONE // Language 1987. — Vol 64 — P 501-538
- 2 Goldberg A. E. Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago: Chicago University Press, 1995.